

А. П. ЧЕХОВ

ИЗ СИБИРИ

(ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ И ПИСЬМА)

Подготовил к печати

А. Н. Турунов

ОГИЗ
ИРКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1946

СИБИРСКИЕ ФЕЛЬЕТОНЫ И ПИСЬМА А. П. ЧЕХОВА

В 1890 году А. П. Чехов предпринял поездку на остров Сахалин, сопряжённую с большими трудностями, так как в ту пору ещё не существовало Сибирской железной дороги и ехать приходилось на лошадях и на пароходе. Выехав в апреле из Москвы, Чехов проделал огромный путь на лошадях от Тюмени до Сретенска (около 4500 вёрст); затем три недели плыл по Амуру. На Сахалине он провёл три месяца. Побывал за это время во всех посёлках и тюрьмах, лично произвёл перепись сахалинского населения, с целью ближе присмотреться к быту каторжан и поселенцев.

Сахалин был тогда одним из страшных мест. Там находились, славившиеся своим жестоким режимом, каторжные тюрьмы. С 1875 года шло массовое заселение острова ссыльными колонистами, которые с трудом осваивались с суровыми природными условиями края. Штрафное население острова исчислялось к 1890 году в 10 тысяч человек.

«Поездка эта была задумана совершенно случайно, — сообщал в своих воспоминаниях младший брат писателя Михаил Павлович. — Собрался Антон Павлович на Дальний Восток как-то вдруг, неожиданно, так что в первое время трудно было понять серьёзно ли он говорит об этом или шутит». Как-то раз Чехову попали на глаза лекции по тюремоведению. «Эти лекции заинтересовали писателя, он прочитал их и вдруг засуетился, засбирался». Это был лишь повод. Существовали ещё какие-то внутренние, нам неизвестные предпосылки для этого решения. Чехов давно жаждал общественной деятельности и искал способа к приложению своих сил, мечтал, как говорил он: «хотя бы о кусочке общественной жизни».

Смерть брата Николая (летом 1889 года) вызвала дополнительные психологические предпосылки, усилила тревогу и сознание общественной вины за те условия, какие создавало царское правительство для ссыльных. «Сахалин Чехову действительно был нужен, чтобы дать выход его личной активности, которая не мирилась с застоём общественной жизни. Жадно стремясь к личному подвигу, он должен был бы выдумать Сахалин или нечто по-

добное, ибо других путей для приложения своих сил он не находил»¹.

Решившись на это трудное паломничество в места «невыразимых страданий», он самыми разнообразными мотивами доказывал Суворину (письмо от 9 марта) необходимость для себя этой поездки. Свою задачу, — писал он, — будет считать выполненной, если сумеет написать в результате поездки «хоть сто-двести страниц». — «Быть может я не сумею ничего написать, — продолжает он развивать свои доводы, — но всё-таки поездка не теряет для меня своего аромата: читая, глядя по сторонам и слушая, я много узнаю и выучу. Я ещё не ездил, но благодаря тем книжкам, которые прочёл теперь по необходимости, я узнал многое такое, что следует знать всякому под страхом 40 плетей и чего я имел невежество не знать раньше». Суворин говорил, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. — «Сахалин может быть ненужным и неинтересным только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов» — горячо возражал ему Чехов.

Энергично подготавливаясь к поездке, А. П. Чехов не вполне ясно представлял себе её результаты. Эти сомнения и колебания в правильности своего решения нашли отзвуки и в его переписке. Так, 11 апреля, всего за несколько дней до выезда из Москвы, он пишет Суворину: «Ехать не хочется и я охотно бы остался, но лучше отделаться от поездки в этом году, чем откладывать её до будущего года». — «Пожалуйста не возлагайте литературных надежд на мою сахалинскую поездку, — пишет Щеглову, — я еду не для наблюдений и не для впечатлений, а просто для того только, чтобы пожить полгода не так как я жил до сих пор». — «Я в самом деле еду на о. Сахалин, но не ради одних арестантов, а так вообще. Хочется вычеркнуть из жизни год или полтора» (из письма Филиппову от 2 февраля 1890 г.)². Как индивидуалист, он часто не находил настоящей точки для приложения своих сил и, решившись на эту поездку, сам не был до конца уверен, действительно ли она нужна.

В области художественного творчества Чехова поездка эта нашла малое отражение. Путевые очерки, рассказы «В ссылке» и «Гусев» — вот и всё, что было им написано в результате поездки. Из книги «Остров Сахалин» он старательно устранил всё личное.

Готовясь к поездке, Чехов прочёл много книг о Сибири в целом, об Амурском крае, о Сахалине и Камчатке. Сибирская история Фишера, путешествие Норденшельда вокруг Европы и Азии, Описание земли Камчатки — Крашенинникова, Труды экспедиций

Русского Географического Общества в Сибирь, Описание путешествия капитана Сарычева на северо-восток Сибири, Материалы о военных действиях лейтенантов Хвостова и Давыдова, предпринятых против Японии в 1806 году, статьи декабриста Завалишина по Амурскому вопросу в «Морском сборнике», Записки охотника Восточной Сибири Черкасова, книгу Максимова «Сибирь и каторга», сводки метеорологических наблюдений на Сахалине и отчёты о состоянии сельского хозяйства — вот примерный перечень этих книг. Чехов поручил сестре и её подругам делать для себя выписки из нужных ему сочинений в библиотеке Румянцевского музея, часть необходимых книг выписывает из Петербурга через Суворина. В письме от 15 февраля 1890 г. А. П. Чехов писал Плещеву: «Меня удерживали (в Петербурге) друзья и «Морской сборник», который мне нужно было перелистать весь, начиная с 1852 года. Живя в Питере, я в один месяц сделал столько, сколько не сделать моим молодым друзьям в целый год». «Целый день сижу, читаю и делаю выписки в голове и на бумаге нет ничего кроме Сахалина. Умопомешательство — *Mania Sachalinosa*». Среди знакомых А. П. Чехова нашлись лица, близко знавшие условия сибирской жизни. Одним из них был беллетрист В. М. Михеев, автор романа «Золотые россыпи» и сборника стихов «Песни о Сибири», постоянный сотрудник иркутской газеты «Восточное Обозрение».

Маршрут поездки был таков: из Москвы Чехов выехал по железной дороге 21 апреля. В Ярославле сел на пароход и плыл до Перми. От Перми до Тюмени опять по железной дороге, с остановкой на три дня в Екатеринбурге. Из Тюмени выехал 3 мая на лошадах; на следующий день был в Ишиме. В Томск приехал вечером 15 мая. Здесь сделал остановку на неделю. 21 вечером выехал из Томска. 25 был в Мариинске, 28 в Ачинске и вечером того же дня в Красноярске. Провёл здесь сутки. 4 июня был в Иркутске и сделал здесь вторую недельную остановку. Из Иркутска выехал 11 июня. Два дня прожил в Листвянке, на берегу Байкала, в ожидании парохода. Затем на лошадах доехал до Сретенска, куда прибыл 20 июня. В Сретенске сел на пароход и дальнейший путь до Сахалина проделал уже на пароходе. 5 июля был в Николаевске на Амуре, а ещё через пять дней высадился в Александровском Посту — тогдашнем административном центре острова Сахалина.

Таким образом, всё путешествие по Сибири заняло у Чехова 2,5 месяца. Остановки были сделаны: в Екатеринбурге (на 3 дня), в Томске (на 7 дней), в Красноярске (на день) и в Иркутске (на неделю). За это короткое время трудно было внимательно приглядеться к местной жизни, и впечатления по необходимости могли быть самыми мимолётными. Под этим углом зрения и следует расценивать путевые очерки А. П. Чехова, печатавшиеся в

¹ Ежов И. С., Литературные взгляды Чехова. Сб. «Чехов и его среда», М., 1930.

² В том же сборнике, стр. 182.

виде фельетонов в газете «Новое Время» и позднее сведённые им в один очерк. Это беглые зарисовки наблюдателя, зарисовки яркие, красочные, но слишком окрашенные личными настроениями. Сам Чехов это признавал и говорил, что в его очерках «больше чеховских чувств и мыслей, чем Сибири». Дополнением к ним служит группа писем с дороги к разным лицам. Сопоставляя эти письма с очерками, видим, под каким впечатлением были написаны очерки и почему они окрашены в такие безрадостные тона.

Чехов выехал ранней весной, когда на полях Сибири ещё кое-где лежал снег; реки недавно вскрылись ото льда и были в разливе; холодная, угрюмая погода доставляла путешественнику много невзгод. «Путешествие, особенно через Сибирь, похоже на затяжную болезнь»,—писал Чехов Щеглову.

Первую половину пути Антон Павлович ехал один, случайные спутники лишь стесняли бы его, а Левитан, которого он звал с собой, отказался от поездки. Впрочем одиночество соответствовало и душевному состоянию Антона Павловича. «Мне не весело и не скучно, а так какой-то студень на душе»,—сообщал он родным вскоре после выезда из Москвы. «Я рад сидеть неподвижно и молчать. Сегодня, например, я едва ли сказал пять слов».

Чувство оторванности, угрюмая сибирская весна, тягость путешествия в открытом возке по размытым дорогам, под дождём и снегом—всё настраивало на невесёлый лад и как бы отодвигало на второй план и окружающую природу и людей. Чехов сам об этом говорит в письме Щеглову из Иркутска: «Путешествие моё длинно; всё до такой степени длинно и широко, что писать положительно не о чем. Скажу только, что ехать было тяжело, временами несносно и даже мучительно; разливы рек, холод, питание исключительно чаем, грязная одежда, тяжёлые сапоги, невылазная грязь—всё это имело для меня подавляющее значение и отодвигало природу и сибирского человека на второй и третий планы» (Письмо от 5 июня. Разрядка моя. А. Т.).

Поездка по Сибири казалась Антону Павловичу заведомо скучной и неинтересной, во всяком случае по Западной Сибири. «От Тюмени до Томска придётся скакать на лошадях, местность адски скучная, хмурая»,—писал он ещё из Москвы. Путевые заметки, обещанные Суворину, Чехов предполагал начать только с Томска, «ибо путь между Тюменью и Томском—по его словам—давно уже описан и эксплуатировался тысячу раз». Первые шесть глав родились из краткого путевого дневника, который Чехов вёл для себя карандашом, наскоро. Телеграфный запрос о скорейшей присылке в газету дорожных очерков заставил А. П. Чехова изменить своё решение. В номере Томской гостиницы он засел за переработку в очерки своих записей в дневнике. «Посылаю Вам

шесть глав,—писал он Суворину,—написаны они лично для Вас. Писал я только для Вас и потому не боялся быть в своих заметках слишком субъективным и не боялся, что в них больше чеховских чувств и мыслей, чем Сибири».

Западная Сибирь показалась Чехову непривлекательной: «Если пейзаж в дороге для Вас не последнее дело,—писал он,—то, еду-чи из России в Сибирь, Вы проскучаете от Урала вплоть до самого Енисея. Холодная равнина, кривые берёзки, лужицы, кое-где озёра, снег в мае, да пустынные, унылые берега притоков Оби—вот и всё, что удаётся памяти сохранить от первых двух тысяч вёрст».

Не только природа, но и встречные люди кажутся Чехову неинтересными, а их жизнь—серой, вялой и бесполезной. «По сибирскому тракту есть свои Боромли»,—писал он. А. Боромля¹—на языке Чехова—синоним убожества и скуки. Жизнь на этих станциях тусклая, нерадостная. «Народ здесь, в Сибири, тёмный, бесталанный». «Жалуется какой-то Пётр Петрович. «Из России везут ему сюда и полушубки, и ситец, и посуду, и гвозди, а сам он ничего не умеет. Только землю пашет, да вольных возит, а больше ничего... Скучный народ, не дай бог! Живёшь с ними и только жиреешь без меры»...

Жизнь в городах тоже кажется Чехову непривлекательной: «Томск скучнейший город,—пишет он.—Если судить по тем пьяницам, с которыми я познакомился, и по тем вумным людям, которые приходили ко мне в номер на поклонение, то и люди здесь прескучнейшие».

Приходилось ли Чехову в Сибири соприкасаться с политическими ссыльными—мы не знаем; на Сахалине ему было поставлено в этом отношении прямое ограничение. В Томске А. П. Чехов свёл знакомство с кружком лиц, близких к газете «Сибирский Вестник». Газета эта была основана томским губернатором Красовским на казённые деньги в противовес радикальной «Сибирской газете». Впрочем, в дни пребывания А. П. Чехова в Томске другой газеты там не существовало—«Сибирская газета» была уже закрыта по настоянию начальника учебного округа. Первое знакомство А. П. Чехова было с Картамышевым—редактором «Сибирского Вестника», пришедшим в номер к Чехову познакомиться. Человек с тёмным прошлым, Картамышев был случайным жителем Томска, славился своими скандалами и кутежами. Чехов не без основания именует его «местным Ноздрёвым». Приходил к нему в гостиницу и полицеймейстер Аршаулов читать свои литературные опыты, печатавшиеся в «Сибирском Вестнике». Среди томских знакомых Чехова был и небезызвестный князь В. А. Долго-

¹ Маленькая железнодорожная станция близ Сум.

руков, сосланный сюда по уголовному делу и занявшийся в ссылке литературой. В библиотеке Чехова сохранился томик стихов Всеволода Сибирского (литературный псевдоним Долгорукова) «Не от скуки», изданный в Томске в 1889 г. редакцией «Сибирского Вестника» (с дарственной надписью от 20 мая 1890 года).

Чехов в своих очерках пишет об интеллигентных ссылке, спивающихся от скуки и однообразия местной жизни. «Местная интеллигенция, мыслящая и немыслящая, от утра до ночи пьёт водку, пьёт неизящно, грубо и глупо, не зная меры и не пьянея». Глядя на местных жителей, начинают пить горькую и ссылки. Хорошо известны тяжёлые условия, в которые ставило царское правительство своих политических врагов. Одни не выдерживали этих условий и гибли в ссылке, вторые деморализовались, втягивались в болото обывательской жизни и, может быть, тянули горькую, третьи находили силы и в ссылке остаться верными своим взглядам и как-то применить свои силы. Сказать огульно про всех интеллигентных ссылкой, что их затыгивала тина обывательщины, было нельзя. В конце 80-х годов в Томске побывали: Ф. В. Волховский, С. Л. Чудновский (сосланные по процессу 193), болгарин Беломез, писатель К. М. Станюкович, Д. А. Клеменц, впоследствии известный этнограф и многие другие; несмотря на тягость подневольной жизни они не спились. Повидимому, тот кружок лиц, который группировался около «Сибирского Вестника», был отчуждён от общей жизни колонии политических ссылкой, скука и бездеятельность толкали их на пьянство. Пример этот выясняет насколько мимолётны и случайны были наблюдения А. П. Чехова. Сибирская жизнь 1890 годов отразилась в путевых очерках через призму его личных переживаний и настроений, что впрочем отнюдь не умаляет для нас их интереса и ценности.

Меланхолический тон писем меняется по мере приближения к Красноярску. Природа Восточной Сибири очаровала Чехова. Впечатления от Енисея, Байкала, Амура так ярки, что ему, как он говорил, недостаёт красок для их передачи.

Было уже лето, когда Чехов подъезжал к Красноярску. После дождя и снега, которые недавно сопутствовали его путешествию, эта перемена показалась разительной. «Солнце блестит во всю ивановскую и берёзы распустились, хотя за три станции назад на берёзах не потрескались даже ещё почки. Слава богу, — прибавлял он, — въехал-таки я в лето, где нет ни ветра, ни холодного дождя». Красноярск ему показался интеллигентным городом, в сравнении с которым «Томск свинья в ермолке и моветон». Горы, окружающие город, напоминали Кавказские горы. «Енисей — красавец, лучше Волги».

«И горы и Енисей подарили меня такими ощущениями, — пишет он сестре, — которые сторицею вознаградили меня за все пе-

режитые кувырколлегии и которые заставили меня обругать Левитана болваном за то, что он имел глупость не поехать со мной»¹.

Берега Ангары кажутся ему похожими на Швейцарию. «Что-то новое и оригинальное, — добавляет он. — Погода была чудная, тихая, солнечная, тёплая; я ехал и чувствовал почему-то, что я необыкновенно здоров; мне было так хорошо, что и описать нельзя». Посёлок Листвянка на берегу Байкала напомнил Ялту, а плавание по Байкалу в ясный день он описал так: «Погода была тихая, солнечная. Вода на Байкале бирюзовая, прозрачнее, чем в Чёрном море. Говорят, что на глубоких местах дно за версту видно; да и сам я видел такие глубины со скалами и горами, утонувшими в бирюзе, что мороз драй по коже. Прогулка по Байкалу вышла чудная. Во век веков не забуду». Красоты и своеобразие Забайкалья заставляют его вновь пожалеть, что Левитан не поехал. «Селенга сплошная красота, — описывает он свои забайкальские впечатления, — а в Забайкалье я находил всё, что хотел: и Кавказ, и долину Псла и Звенигородский уезд, и Дон. Днём скачешь по Кавказу, ночью — по Донской степи, а утром очнёшься от дремоты, глядь, уж Полтавская губерния — и так всю тысячу вёрст».

Ещё большее впечатление оставил Амур: «Амур чрезвычайно интересный край. До чёртиков оригинален. Жизнь тут кипит такая, о какой в Европе и понятия не имеют, — писал он родным. — Проплыл я уже по Амуру 1.000 вёрст и видел миллион роскошнейших пейзажей, голова кружится от восторга». «Я в Амур влюблён, охотно бы пожил на нём год-два», — пишет Суворину, признаётся, что от путешествия по Амуру получил больше, чем мог ожидать. «Описывать такие красоты, как амурские берега, я совсем не умею, пасую перед ними и признаю себя нищим. Ну, как их опишешь? Представьте себе Сурамский перевал, который заставили быть берегом реки — вот вам и Амур. Скалы, утёсы, леса, тысячи уток, цапель и всяких полосатых каналов, и сплошная пустыня».

Как видим, у Чехова было немало чисто эмоциональных восприятий сибирской природы, и тем не менее эта поездка по Сибири не отразилась в темах его произведений. Напрасно мы стали бы искать в его новых рассказах и повестях сюжетов из сибирской жизни, зарисовок природы или описания каких-либо встреч — другие более сильные впечатления, полученные на Сахалине, заслонили собою всё.

¹ Приходится пожалеть, что не сохранились письма А. П. Чехова к И. И. Левитану. Можно предполагать, что среди них нашлось бы несколько писем из Сибири с зарисовками сибирской природы. Чехов, как известно, был большим мастером пейзажа и в понимании природы у него с Левитаном был общий язык. Есть сведения, что вся переписка И. И. Левитана, согласно его последнему желанию, была уничтожена родными после его смерти.

Сибирские путевые очерки так и оборвались на полуслове. Последний очерк с замечательным описанием тайги и Енисея был послан Суворину из Благовещенска 27 июня. В письме Чехов обещал следующие очерки с описанием Байкала, Забайкалья и Амура. Можно думать, что написаны они были бы в несколько иных тонах, чем первые. Но очерки эти так и не появились. 5 июля Чехов прибыл в Николаевск, а через 5 дней был уже на Сахалине. Возвращаться к обработке своих дорожных записей в новой обстановке не было ни охоты, ни времени: «Работа у меня на Сахалине была напряжённая; я сделал полную и подробную перепись всего сахалинского населения и видел всё, кроме смертной казни,—писал он по возвращении Суворину.—Знаю я теперь очень многое, чувство же привёз я с собой нехорошее. Пока я жил на Сахалине, моя утроба испытывала только некоторую горечь, как от прогорклого масла, теперь же по воспоминаниям Сахалин представляется мне целым адом». Долго и напряжённо работает он над своей книгой «Остров Сахалин», придавая ей большое значение. Заботится об облегчении участи сахалинских детей, печальная судьба которых его поразила больше всего виденного.

«К своим письмам Чехов несомненно относился как к литературным явлениям. Он придавал им разнообразное построение, тон и стиль, в зависимости от основной темы своего сообщения... У него есть письма-фельетоны, письма-пародии, письма-очерки и письма-диалоги»¹.

На материале сибирских фельетонов и сибирских писем Чехова особенно наглядно можно выявить систему его писательской техники. Письма служили для него своего рода «литературными заготовками», отдельные куски которых он потом почти без изменений вставлял в свои очерки. Уже было обращено внимание на связь отдельных чеховских писем с происхождением некоторых его рассказов. Таково письмо к Лейкину из Воскресенска от 27 июня 1884 г. с описанием вскрытия трупа утопленника. Элементы письма взяты потом им в рассказ «Мёртвое тело». В 1887 году Чехов едет в приазовские степи и в Таганрог, с дороги шлёт родным пространное письмо в виде путевого дневника (от 7 апреля 1887 года). В этом письме находим замечательные, яркие зарисовки южной природы, использованные им потом в работе над повестью «Степь». Письма заменяют ему дорожный альбом для мимолётных зарисовок. Некоторых своих адресатов он просит сберечь его письма: «Вы не бросайте эти листки,—пишет он Суворину,—я соберу их и по ним, как по нотам, буду рассказывать то, что не умею передать на бумаге».

В письме от 7 мая М. В. Киселевой Чехов рассказывает о трагическом эпизоде (столкновение на тракте встречных троек),

который мог стоить ему жизни. Этот же эпизод он описывает через неделю в письме к сестре (от 14 мая), уточняя зарисовки и подбирая более нужные выражения. Это второе описание интересно сопоставить с очерком, где оно почти целиком повторилось, но с некоторыми стилистическими поправками. Мы не решились отказаться от публикации в сборнике письма к Киселевой, хотя содержание его покрывается письмом от 14 мая, а письма Чехова к родным от 6, 13, 20 и 23 июня, разве по содержанию и по стилю многим отличаются от его путевых очерков? Сибирские фельетоны А. П. Чехова, печатавшиеся в «Новом Времени», никак нельзя поэтому отрывать от его дорожных писем. Они составляют какое-то единство. Разница в том, что один из писем он успел переработать в очерки, другие же так и остались «литературными заготовками». Это даёт нам основание объединить письма с дороги и путевые очерки в один сборник.

Поездка А. П. Чехова и его путевые очерки, напечатанные в «Новом Времени», нашли широкий отклик на страницах сибирских газет. Они отмечали его меткие наблюдения, приводили некоторые яркие зарисовки сибирской природы (описание тайги), противопоставляли Чехова другим наблюдателям. «Все рассказы его (Чехова) отличаются крайнею простотою, но они глубоко правдивы и реальны,—писала иркутская газета.—Его симпатии всегда на стороне трудовой, честной жизни. Он берёт людей такими, какими их создала суровая природа края, их тяжёлый упорный труд, своеобразные условия жизни»... Однако отдельные главы очерка вызвали также горячие возражения и долгое время были предметом полемики. В примечаниях мы приводим в отрывках ряд фельетонов «Восточного обозрения», в их числе большой, давно забытый фельетон Ядринцева «Вдоль да по Сибири». Он не нуждается в особых комментариях, так как позиции, с которых Ядринцев полемизировал с Чеховым, достаточно ясны. Фельетоны «Восточного обозрения» интересны также и тем, что они освещают круг знакомств Чехова в Сибири, его встречи с местными жителями, в частности в Иркутске, о чём до сих пор мы не знали.

Письма перепечатываются в основном по III тому шеститомного собрания писем А. П. Чехова, изданного его сестрою Марией Павловной. В тексте писем сделаны некоторые кушоры (опущено то, что не имеет прямого отношения к описанию сибирского путешествия), эти места отмечены многоточием, заключённым в скобки, в начале абзацев.

Пятьдесят лет отделяют современного читателя от той Сибири, которую наблюдал А. П. Чехов. Многое в этой далёкой жизни покажется нам странным, чуждым, вызывающим удивление. Под пером замечательного мастера слова рождаются картины глухой окраины, от которой современная советская индустриальная Сибирь ушла бесконечно далеко.

¹ Л. Гросман. Письма Чехова.—«Красная Панорама». 1928, № 28.

Чехов видел Сибирь, которую мы уже не помним... «Тяжело ехать, — писал он, — очень тяжело, но становится ещё тяжелее, когда подумаешь, что эта безобразная рябая полоса земли, эта чёрная оспа, есть почти единственная жила, соединяющая Европу с Сибирью! Но по этой жиле в Сибирь, говорят, течёт цивилизация!..» Очень многое, виденное им в пути, окрасилось в его восприятии в мрачные тона. Но эта неприглядная действительность не помешала всё же ему угадать чутьём художника увлекательное будущее края. В его путевых корреспонденциях мы встречаем слова, звучащие почти пророчески. Так, величественный и привольный Енисей навёл его на мысли: «Жизнь началась (здесь) стоном, а кончится удаью, какая и во сне не снилась. Так по крайней мере думал я, стоя на берегу широкого Енисея и с жадностью глядя на его воду, которая со страшной быстротой и силой мчится в суровый Ледовитый океан». «Я стоял и думал: какая полная, умная, смелая жизнь осветит со временем эти берега!..»